

УДК 821.111'04

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО ПОИСКА ДЖЕФФРИ ЧОСЕРА

А.А. СМУЛЬКЕВИЧ

(Полоцкий государственный университет)

Проанализирован творческий путь крупнейшего поэта английского средневековья. Пользуясь предложенной О.А. Кирпичниковой периодизацией, определены основные направления работы Джеффри Чосера. По результатам изучения произведений, созданных в течение первых двух периодов творчества поэта, в качестве наиболее значимых направлений можно выделить: работу по созданию английского литературного языка; разработку определенного тематического ряда, включающего тему любви, авторитета и опыта, литературного творчества; эксперименты с жанровой формой; создание своеобразного образа повествователя. В «Кентерберийских рассказах», обозначивших третий период творчества и формирование Д. Чосером собственной манеры письма, эти вопросы получили свое разрешение в ключе жанрового и идейного синтеза. Свою роль поэт видел в создании литературного языка и сохранении литературного наследия.

Введение. Наследие Д. Чосера, отражающее процесс сплочения английской нации и подготовившее приход Возрождения в английскую литературу, обширно. Одной из самых удачных попыток систематизации наследия поэта является периодизация, предложенная О.А. Кирпичниковой [1]. Творчество Д. Чосера условно разделяют на три периода: французский (приблизительно до 1379 г.), итальянский (1380–1386) и английский (с конца 1380-х гг.). Поэт писал только на английском языке, и исследователи выделяют французский и итальянский периоды в зависимости от влияния на него литературных традиций, обрабатываемых им. У французов он осваивал жанровые формы и искал основы стихосложения на английском языке. В течение первого периода поэт пробует свои силы, экспериментируя с французской формой баллад, рондо, виреле на английском языке, переводит «Роман о Розе», «Утешение философии» Бозэция и пишет поэму «Книга о герцогине». После поездок в Италию в 1372–1373 годах и 1378 году¹ Д. Чосер пишет поэмы-видения «Птичий парламент» и «Дом славы», поэму «Троил и Крессида» и сборник «Легенда о славных женщинах», в которых он ведет активный поиск новых путей решения традиционных вопросов любви, соотношения авторитета и опыта. «Кентерберийские рассказы» знаменуют третий период творчества Д. Чосера. Именно в этом произведении нашли отражение искания поэта предыдущих периодов: был создан литературный язык, который последователи поэта принимали за образец; в поэме имеется набросок портрета английского общества; выведены самобытные персонажи. Отсылки к «Божественной комедии» Данте, структурное и идейное сходство поэмы Д. Чосера с «Декамероном» Д. Боккаччо предоставляют возможность выделять в периодизации английской литературы Предвозрождение. Менее исследованным вопросом в существующих сегодня литературоведческих работах остается изучение направлений творческого поиска Д. Чосера в рамках данной периодизации.

Основная часть. Одной из самых популярных тем в литературе является тема любви, ее воспевал молодой поэт в своих небольших экспериментальных произведениях, к сожалению, в большинстве своем не сохранившихся, но запечатленных на страницах поздних произведений. Например, спутница бога любви в «Легендах о славных женщинах» защищает поэта, указывая на его заслуги: «He made ... many an unpre for your halydayes,/ That highten balades, roundels, virelayes» [2, с. 222] (Он создал ... много гимнов в честь бога любви,/ Которые называются балладами, рондо, виреле²). По немногим сохранившимся образцам мы можем судить об оригинальной манере первого этапа творчества Д. Чосера: он выделяется среди других поэтов своего времени отказом от «одноплановых схем и традиционного аллитерационного стиха (рифмованный силлаботонический, восьмисложная строка)» [1, с. 544], но вместе с тем поэт органично связан с эпохой. В балладе «Розамунде» поэт полностью полагается на куртуазную традицию: «Nas never ryk walwed in galauntyne / As I in love am walwad and ywonde./ For which ful ofte I of myself devyne / That I am trewe Tristam the secounde. / My love may not refreyde nor affounde;/ I brenne ay in amorous plesaunce./ Do what you lyst, I wyl your thral bel founde./ Though ye to me ne do no daliaunce» [2, с. 535] («Сильнее я любовию объят,/ Чем окунь жареный объят сметаной;/ И все о том приметы говорят,/ Что я другая ипостась Тристана./ Моя любовь прочна и постоянна,/ Душа сладчайшим пламенем согрета;/ Что ни случись, душе не знать изъяна,/ И пусть вовек ни ласки, ни привета» [3, с. 565–566]). В данном отрывке запечатлен не только культ прекрасной дамы, чистой любви, но и популярность легенды о Тристане и Изольде в рамках куртуазного романа. Способствовала этому и женитьба Д. Чосера в 1366 году на аристократке

¹ Основные даты приводятся в соответствии с изданием: Чосер, Д. Кентерберийские рассказы / Д. Чосер; подгот. А.Н. Горбунов, В.С. Макаров; [отв. ред. А.Н. Горбунов]. – М.: Наука, 2012. – 951 с. – (Литературные памятники).

² Здесь и далее перевод мой – А. С.

Филиппе Роэт, обеспечившая ему «тесную родственную связь» с Францией и ощущение комфорта в семейной жизни [4, с. 54]. Это ощущение присутствует в первой зрелой поэме поэта «Книга о герцогине» (*The Book of the Duchess*, 1368–1372). Как и положено в поэме-видении, повествователь засыпает и видит сон, интерпретировать который он призывает самих читателей. Во сне майским утром повествователь присоединяется к охоте, в лесу щенок ведет его в безлюдное место, где он встречает рыцаря в черной одежде. Рыцарь раскрывает ему причину своей скорби – смерть возлюбленной, – переживаемую им как вселенскую трагедию. Некоторые исследователи рассматривают поэму в связи со смертью жены покровителя³ Д. Чосера, который пытается поддержать друга и отвлечь его от мыслей о смерти. В таком случае необычной в поэме является изучение темы любви именно в рамках законного брака. В духе куртуазной традиции рыцарь описывает идеализированный образ прекрасной дамы. Именно это и привлекло Д. Чосера к «Роману о Розе» (XIII в.), отголоски которого часто встречаются в произведениях поэта, как и отрывки из любовной лирики Гильома де Машо и Жана Фруассара, также упоминаются персонажи «Песни о Роланде» [2, с. 22]. Если отождествлять образ Белянки с женой Джона Гонта, очевидной становится замена традиционной для куртуазного романа ситуации адюльтера идеей брачной любви [5, с. 390]. Тема любви соприкасается в «Книге о герцогине» с темой фортуны и темой смерти. Черный рыцарь обвиняет в своей потере фортуны и аллегорически уподобляет капризы судьбы игре в шахматы: «For fals Fortune hath played a game / Atte ches with me, allas the while! ... At the ches with me she gan to pleye;/ With hir false draughts dyvers/ She staal on me, and tok me fers» [2, с. 14, 15] (Я счастлив был – да не к добру/ С Фортуной в шахматы игру/ Затеять накатила блажь... Обманом забрала ферзя –/ А я, дурак, разинув рот,/ Глядел, как тварь ферзя берет! [6, с. 45, 46]). Повествователь «Книги о герцогине» пытается утешить рыцаря и показать свою заинтересованность в рассказе. В целом в поэме создан своеобразный портрет повествователя: спокойный и скромный человек, живущий в мире книг, которые считает более полезным занятием, чем игры в шахматы или нарды («a book, a romance ... to rede... For me thought it beter play/ Then play either at chesse or tables» [2, с. 5]), создатель данной поэмы, преданный и сопереживающий друг, верный слуга любви. Он страдает бессонницей, причина которой кроется в любви: «I holde hit be a sicknesse/ That I have suffred this eight yeere./ And yet my boote is never the nere;/ For there is phisicien but oon/ That may me helpe...» [2, с. 5] («Сия бессонница – недуг,/ Которым целых восемь лет/ Злосчастный маяется поэт./ К единственному же врачу,/ К целебнице...» [6, с. 9–10]). В эту бессонную ночь он выбирает историю о переживаниях Алкионы о смерти ее мужа Кеика, которая производит сильное впечатление на повествователя: «Such sorowe this lady to her tok/ That trewly I, which made this book,/ Had such pittee and such rowthe/ To rede hir sorwe, thet, by my trowthe,/ I ferde the worse al the morwe/ After, to thenken on hir sorwe» [2, с. 6] («...Я оторвал от книги взор/ И слезы тихие отер./ В бессоннице – изрядный вред./ Но сколь на свете горших бед!» [6, с. 13]). В этих строках проглядывает ироническое отношение автора к своему персонажу. Ирония состоит и в том, что не повествователь в силу рода своей деятельности, а черный рыцарь сетует на бедность английского стиха для описания красоты своей возлюбленной: «Me lakketh both Englissh and wit/ For to undo hyt at the fulle» [2, с. 18] («В английском слов достойных нет./ И скуден ум, и скорбен дух./ И вообще – возможно ль вслух/ Живописать сию красу?» [6, с. 60]). Автор «Книги о герцогине» понимал значение английского литературного языка и для его развития использовал известные ему образцы. При переводе «Утешения философией» (1370-е гг.) Д. Чосер опирался на старофранцузскую традицию. На основе сопоставительного анализа перевода «Утешения философией» Боэция Жаном де Меном и Джеффри Чосером Л.И. Жолудева подтверждает, что работа английского поэта над языком является подготовительной ступенью дальнейшего развития литературного языка и характеризует идеи Д. Чосера как предренессансные [7, с. 122]. Как полагают А.Д. Минис и Т.У. Машан, Д. Чосер превзошел перевод Жана де Мена, создавая свое произведение «Бозций» на основе правил и норм академического перевода, в рамках которых английский поэт позволяет большую стилистическую свободу [8, с. 183].

Еще большей свободой характеризуются работы поэта второго периода, в течение которого закладываются «основы его собственной «английской» реалистической манеры» [1, с. 544]. И хотя в рамках данного периода две поэмы написаны в форме видения, и основная тема любви освещается с помощью сюжетов, заимствованных из античных (Овидий, история Троянской войны, легенды о мифологических героях) и средневековых источников (Машо, Дешан, Данте, Боккаччо и др.), Д. Чосер пытается приспособить эти сюжеты к английской реальности. Например, в поэме «Дом славы» (*The House of Fame*, 1374–1380) поэт изображает споры о соотношении авторитета и опыта в современных ему богословии и философии. Повествователь видит сон, в котором он находит себя в стеклянном храме Венеры, на стенах которого помещены начальные строки и изображения сцен из «Энеиды». Выйдя из храма, герой по имени Джеффри обнаруживает пустыню, с неба спускается орел, хватая его и по просьбе Юпитера уносит в Дом славы и затем в Дом слухов, чтобы Джеффри смог узнать новости для своих произведений. Эти новости читатели так и не узнают – произведение осталось оборванным на самом интересном месте, возможно, целенаправленно: все обитатели Дома слухов оживляются, когда входит человек, который «semed for to

³ В 1367 году умирает герцогиня Бланш, жена Джона Гонта, третьего сына Эдварда III.

be a man of gret auctorite....» [2, с. 59] (казался очень авторитетным человеком). В данном произведении Д. Чосер отталкивается от темы любви для перехода к теме относительности знаний, поднятой на философский уровень. В споре о верховенстве опыта или авторитета проглядывает позиция автора: «Thou shalt have yet, or hit be eve,/ Of every word of thys sentence/ A preve by experience» [2, с. 41] (Каждое слово в этом предложении/ Должно быть доказано опытным путем). В поэме возникает идея единства живой жизни, отличающейся своей непредсказуемостью и любовью, которую поэт понимает как вселенский закон [5, с. 390]. Тема любви также важна для создания образа повествователя, выступающего от лица автора и под его именем. Это верный слуга любви: «Thou so longe trewely/ Hast served so ententyfly/ Hys blynde newew Cupido,/ And faire Venus» [2, с. 37] (Ты так долго и верно служил/ Его слепому племяннику Купидону/ И прекрасной Венере), – хотя и неопытный: «And peynest the to preyse hys art,/ Although thou haddest never part» [2, с. 38] (И старался прославлять его деяния./ Хотя ты никогда не был успешен в делах любовных). Он любит проводить свободное от работы время за книгами: «Thou goost hom to thy hous anoon;/ And, also domb as any stoon,/ Thou sittest at another book/ Tyl fully daswed ys thy look,/ And lyvest thus as an heremyte,/ Although thyn abstinence ys lyte» [2, с. 38] (Ты идешь домой/ И неподвижно сидишь за очередной книгой./ Пока не потемнеет в глазах./ Ты живешь как отшельник./ Хотя воздерживаешься только от немногого). Интересно, что все эти характеристики читатель получает от орла, а не самого повествователя, что дает автору возможность посмеяться над своим персонажем и собой. В ответ на высказывание повествователя о том, что он верит только в то, что имеет доказательства («As fer as that y sey the preve;/ Therefore y kan hem now beleve» [2, с. 43]), орел предлагает Джефффри опытным путем больше узнать о звездах, но немногословный и трусливый поэт отказывается, мотивируя своим возрастом: «For y am now to old» [2, с. 43] (Поскольку я уже стар). Хотя судя по многочисленным астрономическим фрагментам в более поздних поэмах, и в особенности по «Трактату об астрологии» (1392), интерес Д. Чосера к наукам не угасал никогда. Героя отличает скромность – в Доме славы он поясняет незнакомцу, что пришел туда не за славой, как остальные просители. Джефффри раскрывает свою причину – он не считает себя успешным поэтом, поскольку не может подобрать слов для описания замка славы: «So that the grete craft, beaute,/ The cast, the curiosite/ Ne kan I not to yow devyse;/ My wit ne may me not suffice» [2, с. 46] (Ни мастерство создателей, ни красоту./ Ни общий план сооружения/ Я не могу вам описать./ Мне не хватает умений). Он также склонен к сопереживанию и сочувствует тем, кто, будучи достойными славы, ее не получают. Так, отталкиваясь от темы любви в первой книге, автор переходит к теме авторитета и опыта во второй, и в третьей касается вопроса творчества, предваряя эту часть словами: «This lytel laste bok thou gye!/. ... Here art poetical be shewed» [2, с. 44] (эту небольшую последнюю книгу!/. ... Здесь будет показано поэтическое искусство). Для него важна не форма, но содержание: «But for the rhyme ys light and lewed.../ And that I do no diligence/ To shewe craft, but o sentence» [2, с. 44] (Несмотря на то, что рифма бедна и невежественна/... Я забочусь не о форме, но о содержании). Снова слышны жалобы на несовершенство английской рифмы. Джефффри становится свидетелем того, как богиня Слава дарует своим посетителям хорошую или дурную славу. Ее несправедливые решения (например, прославить Герострата, который для этого сжег храм Артемиды) соответствуют ее капризному характеру и описанию ее замка, расположенного на скале изо льда. Повествователь опасается за устойчивость замка: «This were a feble fundament/ To bilden on a place hwe» [2, с. 45] (Это основание непрочное/ Для сооружения на такой высоте). Очевидное шаткое положение места обитания Славы наводит на мысль об относительности решений самой богини. Повествователь шутивно отказывается от славы, затем сразу переводит свое высказывание в серьезный тон: «Sufficeth me, as I were ded,/ That no wight have my name in honde./ I wot myself best how y stoned;/ For what Y drye, or what I thynke,/ I wil myselven al hyt drynke» [2, с. 55] (С меня хватит и того, что, когда я буду мертв./ Никто не вспомнит мое имя./ Я сам знаю, чего я стою./ Я сам в ответе за мои чувства и мысли). Не узнав в Доме славы никаких новостей, Джефффри идет в Дом слухов. Повествователь собирается использовать добытые здесь новости в своем произведении, следовательно, автор проводит параллель между процессом формирования этих новостей в Доме слухов и процессом создания литературного произведения. А выглядит он следующим образом: обитатели этого места обмениваются информацией, которая из небольшой вести разрастается в обширную, по образцу сплетни, она летает по дому месяцами и не может выбраться наружу. Когда у выходного окна встречаются ложь (lesyng) и чистая правда (sober sawe), они, не желая уступать друг другу дорогу, решают соединиться в новость (tydyng) и попадают к Славе, которая и решает их участь. Таким образом, в «Доме славы» Д. Чосер продолжает развивать образ скромного повествователя, неопытного поэта и верного слуги любви. Тема любви является лишь отправной точкой для изображения философских споров того времени и вопросов литературного творчества.

Об интересе Д. Чосера к современной ему общественной жизни можно судить по поэме-видению «Птичий парламент» (The Parliament of Fowles, 1380), сатирично изображающей английскую палату общин, в которой характеристики разных видов птиц сочетаются в аллегорических персонажах с представлениями поэта о дебатах в парламенте: хищные птицы представляют властвующую верхушку; ниже располагаются птицы, которые едят червей; далее – водяные птицы; у подножия дерева – птицы, питающие-

ся растительной пищей. Начинается поэма с обсуждения темы любви, которая, по словам повествователя, приносит только муки и вред. Но он это не испытал на своем личном опыте, а прочел в книгах, значение которых велико. Повествователь рассказывает о книге «Сон Сципиона»⁴, после прочтения которой он засыпает, и к нему является Сципион Африканский. Он, выступая в роли проводника, сродни таковому в «Доме славы» и «Божественной комедии», ведет героя в сад Венеры, в котором последний присутствует на дебатах, устроенных Природой, по поводу свадьбы орлицы в день Святого Валентина. Некоторые исследователи соотносят данную поэму с таким важным политическим событием, как устройство бракосочетания Ричарда II с Анной Богемской, за руку которой боролись еще два претендента [4, с. 131]. Выступления трех женихов соответствуют куртуазной традиции проведения сватовства, стилистически снижаемой вмешательством птиц из низших слов. После выслушивания притязаний всех претендентов дебаты превращаются в фарс: все птицы кричат наперебой, желая рассудить женихов. Однако в соответствии с канонem жанра стихотворных диспутов этот вопрос остается неразрешенным, сама орлица откладывает свадьбу на год. В этом явлении можно проследить мысль автора о необъяснимости любви, которой Природа всегда предоставляет выбор. Остальные птицы выбирают себе пару и улетают. В поэме тема любви приобретает дополнительную характеристику – это свободное чувство, характеризующееся постоянством и чистотой. Повествователь просыпается и дает обещание прочесть больше книг и написать еще произведений. Чосер снова посмеивается над своим персонажем, изображая его робким и неуверенным в себе: надписи у ворот сада, который его манит, противоречивые и намекают на гибель, сомнения повествователя прерывает Сципион, буквально толкая его в сад. Чтобы придать уверенности, Сципион подбадривает любителя книг: «For thow of love hast lost thy tast, I gesse,/ As seke man hath of swete and bytternesse» [2, с. 64] («В тебе ж, видать, к любви угасла тяга:/ Так пищей брезгует больной бедняга» [6, с. 101]).

Таким образом, в «Птичьем парламенте» автор снова прибегает к помощи образа повествователя, способного с самоиронией, больше вникает в проблемы современности и отталкивается от темы любви для обсуждения вопросов поэтического наследия (значение старых книг) и литературной обстановки своего времени (жанровые эксперименты с куртуазной традицией и стихотворным диспутом).

Поэма «Троил и Крессида» (Troilus and Criseyde, 1381–1386) отличается более глубоким исследованием темы любви, которая рассматривается как всепобеждающее, истинное чувство: «For evere it was, and evere it shal byfalle,/ That Love is he that alle thing may bynde,/ For may no man fordon the lawe of kynde» [2, с. 85] («Любовь над всеми властвует сердцами./ Все существа связует меж собой –/ Таков закон Природы вековой» [9, с. 14]). Любовь превращает Троила из гордеца в раба своей госпожи Крессиды: «Go hennes away, for certes my deyinge/ Wol the diseas, and I mot nedes deye» [2, с. 90] («Оставь меня! Я вскорости умру./ Неисцелимым болен я недугом» [9, с. 26]), «Ther is another thing I take of hede/ Wel more than aught the Grekes han yet wrought,/ Which cause is of my deth, for sorowe and thought» [2, с. 90] («Чтоб греки мне? Не об таком я вздорю/ Скорблю: есть у меня погорше горе» [9, с. 27]). Ухаживания Троила выстраиваются в соответствии с куртуазной традицией, над которой автор откровенно смеется, создавая комические ситуации. Например, на одном из свиданий влюбленных, на которых обычно присутствует и дядя Крессиды, Пандар, Троил падает в обморок около ложа возлюбленной. Пандар помогает ему: «he into bed hym caste,/ And seyde, “O, thef, is this a mannes herte?”/ And of he rente al to his bare sherte» [2, с. 143] («Царевича он уложил на ложе./ Ворча: «Ну, полно! воину негоже/ Крушиться этак!» – и с него совлек/ Все до рубашки, чтоб дышать он смог» [9, с. 150]). Автор высмеивает пассивность влюбленного кавалера и переводит сюжет в плоскость фаблю. В широко известный по истории о Троянской войне средневековой аудитории сюжет о любви троянского царевича Троила и дочери жреца Крессиды Д. Чосер сумел внести изменения: более глубоко он разрабатывает психологический портрет метущегося Троила, вводит комический персонаж Пандара, олицетворяющего здравый смысл. Иногда рассказчик от лица автора смотрит на повествование глазами Пандара. Возможно, немного трезвой рассудительности Пандара «позаимствовал» трактирщик Бэйли из «Кентерберийских рассказов», который является одной из масок автора.

С еще большим пониманием касается Д. Чосер темы любви в сборнике «Легенды о добрых женщинах» (The Legend of Good Women, 1386–1388): галерея женских образов создана из тех верных влюбленных, которые пожертвовали жизнью ради любви. Поэт оправдывает человеческие чувства, называя своих героинь мученицами, подобно таковым из христианских легенд. Это возможно при соединении Д. Чосером в «стихотворной нарративной легенде светского характера» [5, с. 391] элементов классической легенды (по примеру Овидия и Д. Боккаччо) и агиографической. Главный герой проводит все свое время за книгами, но с наступлением мая он ходит на луг, чтобы полюбоваться маргаритками, культ которых был распространен во французской литературе. По возвращении домой вечером повествователь засыпает и видит себя на лугу. Там же он видит бога любви и его спутницу Альцесту. Амур замечает поэта и обвиняет его в недолжном отношении к себе, имея в виду перевод «Романа о Розе» и поэму «Троил и Крессида». Альцеста защищает поэта, перечислив все его произведения, посвященные Амуру, и предлагает искупить свою вину, написав произведение о верных женщинах и предателях мужчинах, книга

⁴ Во сне к полководцу Сципиону приходит его дед Сципион Африканский и предсказывает будущее.

должна завершаться легендой об Альцесте, которая отдала свою жизнь за исцеление мужа и превратилась в маргаритку. Данная поэма представляет своего рода опровержение антифеминистской традиции, заложенной первой частью «Романа о Розе», связь с которой можно обнаружить в образе изменщицы Крессиды в поэме «Троил и Крессида», и знаменует возвращение Д. Чосера к теме брачной любви. Перед нами вновь возникает образ чосеровского повествователя. Во-первых, это скромный любитель книг: «*On bokes for to rede I me deleyte,/ And to hem yive I feyth and ful credence,/ And in myn hetre have hem in reverence/ So hertely, that ther is game noon/ That fro my bokes maketh me to goon*» [2, с. 215] (Я нахожу удовольствие в чтении книг./ Им я полностью доверяю./ И настолько уважаю./ Что никакие развлечения/ Не заставят меня отвернуться от моих книг). Он преданно служит богу любви, хотя от любви отказывается: «*And though the lyke nat a lovere bee*» [2, с. 223] (И хотя ты не выбираешь дорогу влюбленного). Он также является поэтом, осознающим свою беспомощность, так как не может достичь такого совершенства, как французы при описании маргаритки: «*Allas, that I ne had Englyssh, ryme or prose,/ Suffisant this flour to preyse aryght!*» [2, с. 216] (Увы, мне хватает английских слов, ни рифмованных, ни в прозе./ Что-бы должным образом воспеть сей цветок). Также автор обращается к вопросу опыта и авторитета: «*Men shal not wenen every thing a lye/ But yf himself yt seeth, or ells dooth;/ For, God wot, thing is never the lasse sooth,/ Though every wight ne may it nat ysee*» [2, с. 215] (Люди не должны думать, что все./ Что они сами не видели или не делали, является ложью./ Поскольку Бог знает, что факт остается фактом./ Даже если каждый человек не может его увидеть). Далее Д. Чосер переносит эту тему в плоскость литературы: необходимо уважать и доверять старым книгам мудрецов, если бы не было таких книг, «*yloren were of remembraunce the key*» [2, с. 215] (был бы потерян ключ к знаниям, воспоминаниям). Повествователь читает разные книги и берет из них самое лучшее, чтобы создать свое произведение. Возможно, роль данного произведения поэт видит в сохранении литературного наследия: его героини мифологические и исторические, женщины-язычницы, помещенные Д. Чосером в медиевизированный им художественный мир. Сон главного героя имеет вставную часть – балладу в честь Альцесты. Она примечательна тем, что в ней перечисляются героини, легенды о которых Д. Чосер планировал написать. Возможно, этот прием предварительного представления персонажей поэт только испытывал в «Легендах о славных женщинах», чтобы усовершенствовать его в Общем прологе «Кентерберийских рассказов».

Подведя итоги первых двух периодов творческого пути Д. Чосера, в нем можно выделить несколько основных направлений: работа по созданию английского литературного языка; разработка темы любви, авторитета и опыта, литературного творчества; эксперименты с жанровой формой; создание своеобразного образа повествователя. Многочисленные переводы и пересказы поэтом отрывков из пространственных античных и раннесредневековых источников, не говоря о переведенном «Романе о Розе» и «Утешении философией», представляют тщательную проработку основного материала, которым пользовались и ренессансные английские поэты. В написанном в 1392 году «Трактате об астролябии» (A Treatise on the Astrolabe [10]), который содержит самые точные переводы трудов персидского астролога с латинского языка, Д. Чосер заявил о необходимости развивать родной язык: «*But natheles suffice to the these trewe conclusions in Englissh as well as sufficith to these noble clerkes Grekes these same conclusions in Grek, and to Arabiens in Arabik...*» [10, с. 641] (И тем не менее тебе будет достаточно располагать этими правильными умозаключениями на английском, как было достаточно для благородных греческих ученых располагать этими же умозаключениями на греческом языке, арабским ученым – на арабском...). Основой такому развитию являлась переводческая деятельность: «создание переводных текстов для Чосера оказывалось одним из важнейших средств развития английского литературного языка, а также возрождения англоязычной литературной традиции» [7, с. 13]. В итоговом произведении поэта пропадают жалобы повествователя на его неспособность выразить мысль на английском языке. На третьем этапе, связанном с написанием «Кентерберийских рассказов» (The Canterbury Tales, 1386–1400), окончательно сформировалась «английская» манера Чосера» [1, с. 545], обусловленная не только совершенством английского стиха, но и интересом Д. Чосера к английскому обществу и месту в нем человека.

Сюжет обрамления «Кентерберийских рассказов» максимально приближен к средневековой реальности. Чосер-паломник, выступающий в роли повествователя, по пути в Кентербери встречает других людей, идущих на поклонение мощам Фомы Бекета. В гостинице Табард к паломникам присоединяется трактирщик Гари Бэйли и предлагает в дороге соревнование в повествовании за право получить бесплатный обед. Бэйли выдвигает себя в качестве предводителя и судьи, назначающего рассказчиков и имеющего право прерывать говорящих. Обрамление-паломничество было редкостью для книги частично «светского» наполнения и необходимостью для Д. Чосера. Только благодаря этому приему ему удалось свести вместе представителей высшего, среднего класса и крестьянства. В отличие от более ранних произведений, вопросы политики занимают автора «Кентерберийских рассказов» меньше. Из представленных с помощью подробных характеристик около тридцати персонажей (из 31 паломника в общем прологе развернутые описания получили только 22) почти все исполнили свой долг: прозвучало 22 стихотворных рассказа и два прозаических. Рассказы повара, сквайра, монаха и Чосера не были закончены. Первые два рассказа были либо незакончены поэтом, либо утеряны. Рассказы-трагедии монаха и рассказ о сэре Топасе

были прерваны паломниками. По пути паломники встречают каноника и его слугу, который также поведал свою историю. Изначальный план автора (было запланировано сто двадцать рассказов) не был воплощен, и читатели не знают о конечном пункте путешествия и о победителе спора.

Тематическое разнообразие «Кентерберийских рассказов» позволяет автору рассматривать темы любви, авторитета и творчества не только в рамках одной группы рассказов, но и в рамках одного рассказа. Например, студент повествует о верной жене маркграфа Гризельде, которую он взял из простого народа и трижды жестоко проверял ее верность и повиновение, отбирая детей. Эта история о брачной любви заимствована у Петрарки, выводы которого и цитирует студент: «For, sith a woman was so pacient/ Unto a mortal man, wel moore us oghte/ Receyven al in gree that God us sent» [2, с. 438] («Коль было столь велико у жены/ К супругу смертному долготерпенье./ То Богу мы тем более должны/ Всегда показывать свое смирение» [11, с. 487]). В последующей за рассказом песенке студент иронизирует по поводу советов авторитетного источника современным ему женщинам: «For which I crie in open audience./ No wedded man so hardy be t'assaille/ His wyves pacience in trust to fynde/ Grisildis, for in certain he shal faille» [2, с. 439] («Предупреждаю громко всех мужей:/ Не испытайте ваших жен терпенье./ Никто Гризельды не найдет второй/ В своей супруге – в этом нет сомненья» [11, с. 488]). В «Кентерберийских рассказах» Д. Чосер отражает все аспекты темы любви, рассмотренные им ранее: рассказ рыцаря касается темы превратностей судьбы и смерти влюбленного; на тему брачной любви высказываются батская ткачиха, шкипер, юрист и другие; мысль о свободной любви выражает ткачиха, врач; как вселенский закон любовь утверждает аббатиса своим девизом «Любовь все покоряет» (*Amor vincit omnia*). В изображении женщин как предмета обожания автор опирается на куртуазную традицию, нередко с ней соревнуясь, стилистически снижая культ прекрасной дамы в образе Алисон из рассказа мельника, Май из рассказа купца. Присутствует в сборнике рассказов и пародия на рыцарский роман в рассказе Чосера-паломника, а также на философские споры времени Д. Чосера в рассказе монастырского капеллана. Важным для поэта остается тема творчества и назначения художественного произведения. Перенося все внимание с обрамления на повествования, автор «Кентерберийских рассказов» подчеркивает необходимость учитывать интересы своей аудитории и быть хорошим повествователем независимо от происхождения – все персонажи сборника от мельника до рыцаря превосходят персонажа Чосера в споре рассказами. Главное требование аудитории – «Or telle in prose somewhat, at the leeste./ In which ther be som murthe or som doctryne» [2, с. 351] («Пусть тот рассказ в стихах или прозе будет./ но пусть он мысль и радость в сердце будит» [11, с. 249]). «Кентерберийские рассказы» сочетают в себе эти функции, озвученные вновь в Отречении. Автор произведения призывает читателей искать в его книгах – даже тех, которые воспевают суету житейскую и греха полны, – наставление, к которому он стремился. В отличие от предыдущих работ, в которых поэт утверждает свое авторство переводов и книг в повествовании, в «Кентерберийских рассказах» Д. Чосер отводит для этого отдельную структурно выделяемую часть – Отречение. Возможно, это доказывает появление в английской литературе сознательного автора, отличающегося от традиционного скромного автора средневековья, называющего себя компилятором. Такими же чертами, как и главный герой поэмо-видений (скромность, неуверенность в себе и своих силах, любовь к книгам), наделен и Чосер-паломник. Среди значительных изменений – при традиционно для Д. Чосера косвенной характеристике его персонажа он остается только поэтом, но не слугой бога любви. Это может означать переключение внимания Д. Чосера на тему творчества и человека в широком их понимании. Доказательством этому служит значение, которое автор «Кентерберийских рассказов» придает работе над жанровой формой. Его умение обращаться с аллегорическими образами позволяет читателям рассматривать общий план сборника как путь духовного восхождения человека. Разработка повествовательного элемента в «Легенде о славных женщинах» и его подчинение задаче изображения характера сполна нашли отражение в итоговом произведении поэта, в котором сюжет и жанровая форма рассказа добавляют новые черты к характеристике своего повествователя. Мотив стихотворного спора был включен в обрамление «Кентерберийских рассказов», соединившись с мотивом паломничества и повествования-ради-повествования.

Поэмы-видения Д. Чосера выделяются попыткой осмыслить и доработать этот жанр. Так, например, при сравнении с типичными для этой формы «Романом о Розе» и «Видением о Петре Пахаре» мы можем указать на специфику чосеровских видений: в них присутствует попытка найти причину возникновения сновидений и от нее отталкиваться, сновидения являются реакцией на реальные действия человека. В «Книге о герцогине» сон повествователя о смерти возлюбленной рыцаря перекликается с содержанием книги о смерти царя Кеика и скорби его жены, которую поэт читает перед сном. В первой книге «Дома славы» автор ставит вопрос: «For hyt is wonder, be the roode./ To my wyt, what causeth swevenes» [2, с. 28] (Для моего ума тайной является то./ Что вызывает сновидения). В поэме «Птичий парламент» повествователю является герой книги, которую он прочел перед сном. В сборнике «Легенд о славных женщинах» автор использует мотив видения для пояснения причины создания им этого произведения; образ маргаритки связывает введение от автора (ему нравятся эти цветы) и сон повествователя (Альцеста похожа на маргаритку), также окончание сборника (по легенде об Альцесте она превращается в маргаритку), формируя таким образом кольцевую структуру сборника. В «Кентерберийских рассказах» попытке ответить на вопрос связи сновидений с реальными переживаниями нашли отражение в рассказе монастырского капеллана. Мы видим, как жанр видения постепенно становится для Д. Чосера мотивом, имеющим прак-

тическое художественное значение. Таким образом, в «Кентерберийских рассказах» Д. Чосер совершенствует идейные и жанровые искания ранних периодов своего творчества.

Заключение. Творческий путь Д. Чосера является систематичным и логично завершается «Кентерберийскими рассказами» – итоговым произведением, вобравшим в себя художественные эксперименты и идейный поиск «отца английской поэзии». Работая в первые два периода над сочетанием куртуазной и городской литературных традиций, комического элемента и куртуазной темы с политической аллегорией, элементов куртуазного жанра и жанра диспута, созданием повествовательной легенды светского характера, поэт находит формулу жанрового синтеза. Философская глубина рассматриваемых тем, изучение любви как всепоглощающего чувства, изображение непредсказуемости жизни и любви, попытка ответить на вопрос о назначении поэзии значительно расширяют тематический ряд автора «Кентерберийских рассказов». Основным творческим приемом Д. Чосера является создание новой художественной формы на основе известных жанров и освещение распространенных идеи с неожиданной стороны. Наиболее значимыми достижениями Д. Чосера является идейный и жанровый синтез. Свою роль поэт английского Предвозрождения видел в создании литературного языка и сохранении литературного наследия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирпичникова, О.А. Чосер // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М.: Сов. Энцикл., 1962–1978. – Т. 8: Флобер – Яшпал / гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1975. – 1136 стб.
2. Chaucer's major poetry / Editor A.C. Vaugh. – New Jersey, Englishwood Cliffs: Prentice-Hall Inc., 1963. – 616 p.
3. Чосер, Д. Кентерберийские рассказы / Д. Чосер; подгот. А.Н. Горбунов, В.С. Макаров; [Отв. ред. А.Н. Горбунов]. – М.: Наука, 2012. – 951 с. – (Литературные памятники).
4. Акройд, П. Чосер. Биография / П. Акройд; пер. с англ. Е. Осеновой. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012. – 240 с.
5. Никола, М.И. Чосер // Зарубежные писатели. Библиографический словарь: в 2 ч. Ч. 2: М–Я / под ред. Н.П. Михальской. – М.: Просвещение: учеб. лит., 1997. – 448 с.
6. Чосер, Джеффри. Книга о королеве. Птичий парламент / Д. Чосер; пер. с англ., коммент. С.А. Александровского. – М.: Время, 2004. – 224 с.: ил. – (Триумфы).
7. Жолудева, Л.И. «Утешение философией» Боэция в переводах Жана де Мена и Джеффри Чосера: Вклад старофранцузской письменной традиции в формирование английского литературного языка / Л.И. Жолудева. – М.: Книжный дом «Либроком», 2011. – 256 с.
8. Minnis, A.J. The Boece as Late-Medieval Translation [Electronic resource] / A.J. Minnis, T.W. Machan // Chaucer Studies XVIII: Chaucer's Boece and the Medieval Tradition of Boethius / Edited by A.J. Minnis. – NY: Boydell and Brewer Inc., 1993. – P. 167–188. – Mode of access: http://books.google.by/books?id=aeRoNoGtAUC&pg=PA167&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=true. – Date of access: 18.01.2014.
9. Чосер, Джеффри. Троиц и Крессида. Хенрисон Роберт. Завещание Крессида. Шекспир Уильям. Троиц и Крессида / изд. подгот. А.Н. Горбунов, М.В. Аверченко, Н.Т. Пахсарьян [отв. ред. А.Н. Горбунов]. – М.: Наука, 2001. – 750 с. – (Литературные памятники).
10. Chaucer, G. The complete works of Geoffrey Chaucer. Student's Cambridge Edition / G. Chaucer; edited by F.N. Robinson. – Oxford: Oxford University Press, 1925. – 1133 p.
11. Чосер, Дж. Кентерберийские рассказы / Дж. Чосер; пер. с англ. И. Кашкина, О. Румера, Т. Поповой. – М.: Эксмо, 2007. – 768 с.: ил. – (Библиотека Всемирной Литературы).

Поступила 05.01.2015

GEOFFREY CHAUCER'S ARTISTIC EXPLORATIONS

A. SMULKEVICH

The present article is dedicated to the analysis of artistic development of English medieval prominent poet. Using provided by O.A. Kirpichnikova periodization of Geoffrey Chaucer's work the author of the article determines main trends in his literary works. As a result of study of the books created by Geoffrey Chaucer during the first two periods of his artistic life one can point out the following trends as most significant: development of English literary language; work on such themes as the theme of love, authority and experience, as well as of literary creative work; genre experiments; formation of a specific narrator image. In "The Canterbury Tales", that signify the third period of Chaucer's creative work and development of poet's own original mode of writing, these issues were solved within genre and idea synthesis. The poet assumed his role in development of literary language and retaining literary heritage.